Сал наблюдал, как пламя пожирало тело Мирддина, оставляя после себя лишь пепел, который ветер унес к стенам Камелота. — Ты умер, защищая эти стены и все, что они олицетворяют, — прошептал Фаваркс, — Однажды ты снова будешь нужен для их защиты. Покойся с миром, мое яйцо. Будешь ли ты и дальше защищать то, что хотел защищать все это время? Сал почувствовал тепло, разлитое в воздухе, — знакомое чувство, которое он помнил из будущего. Именно оно с самого начала говорило ему, что он дома. — Что...? — удивленно прошептал он, ощущая нежный ветерок на щеке. — Твой отец, птенец, — мягко ответил феникс. — Или ты думал, что он покинул тебя навсегда? Когда бы ты ни вернулся, он всегда будет приветствовать тебя дома. Женщина, Алеахкис, вывела Сэла за пределы будущих руин Хогвартса. На его плечи опустилось тяжелое, но умиротворяющее чувство. — Палаты, — узнал он. — Но не только палаты... Сущность моего отца, отца, которого я потерял, но который не покинул меня. Сал улыбнулся, но по щекам снова покатались слезы. — Не плачь, мое яйцо, — сказала женщина. — Бабушка и дедушка все еще здесь. Отныне мы будем воспитывать тебя как своего собственного. — Я уже взрослый, — ответил Сэл, пытаясь скрыть слезы. — Нет, это не так, — возразила женщина. — Ты — маленькое, очаровательное яйцо, и я буду растить тебя как своего. — Ты даже не знаешь, как зовут яйцо Мирддина, Алеахкис, — фыркнул Фаваркс, — И ты уже начала строить план по его воспитанию? Ты хотя бы спросил его, прежде чем снова уменьшить его до яйца?! — Тише ты, дорогая, — сказал Алеахкис. — Или тебе не будет позволено помогать мне в его воспитании. Фаваркс лишь фыркнул. — Ну, по крайней мере, я наконец-то понял, что полностью потерял рассудок, — сказал он. — Я начал сомневаться в своем здравомыслии, когда решил высиживать яйцо с василиском. Просто безумный феникс снова делает то же самое со своим яйцом. — Ты должен быть благодарен за каждый день, который у нас есть, — ответила женщина. — Однажды я перестану тебя узнавать, так что не жалуйся. — Она обняла Сэла, словно он действительно был маленьким ребенком. — И я уверена, что малыш будет благодарен за то, что у него снова есть семья, — даже если эта семья чаще будет состоять из змей и птиц, чем из людей. Мужчина фыркнул, но затем вздохнул. — Я уверен, что так и будет, — наконец сказал он. — Куда дальше? — К гоблинам, — тихо сказал Сал. — Они должны взять Экскалибор. Я не могу... — Снова слезы подступили к глазам. — Я не могу использовать его снова. Не сейчас, может быть, позже, но не сейчас... Женщина, бабушка Сала, просто погладила его по щеке. — Хорошо, мое яйцо, — мягко сказала она. — Мы пойдем к гоблинам, а после этого мы пойдем дальше. Я не буду растить свое яйцо в этой холодной и недружелюбной стране. Было достаточно трудно вырастить мое яйцо здесь, — я не буду делать это снова с яйцом моего отца. Мужчина только фыркнул. — Тогда давай уедем из страны. Как насчет какого-нибудь теплого места, вроде Египта или Рима? — Египет, — решил Алеахкис. — Я уверен, что наше маленькое яйцо не захочет приближаться к Риму в ближайшие годы. — Значит, Египет, — сказал феникс и протянул руку. Женщина взяла ее, и в следующее мгновение их тела окутало пламя. Мгновение спустя они стояли посреди деревни гоблинов, которую Сал покинул несколько лет назад. Гоблины уставились на них, потом прибежал Грингуд. Алеахкис забрал у Сала меч и отдал его ошеломленному гоблину. — Мы заберем яйцо, а ты будешь охранять его меч, — сказала она гоблину. — Что... что случилось? — прозвучал другой ошеломленный голос — Вейланд. — Наше яйцо потеряло своего отца, — сказала Алеахкис. — Мы с Фаварксом решили вырастить его снова. Оно слишком мало для меча, поэтому мы оставим его в твоих руках. Ты можешь держать его до тех пор, пока он не понадобится кому-то из членов семьи или пока яйцо не вернется, чтобы забрать его. Грингуд уставился на нее, потом посмотрел на Сэла, и в его глазах зажглось понимание. — Мы будем хорошо охранять его, леди Василиск, — тепло сказал он. — Пока она не понадобится члену семьи Морганаадт или пока Морганаадт не вернется, чтобы забрать ее. Алеахкис только кивнула. — Пусть будет так, — сказала она и протянула руку Фаварксу. — Теперь в Египет, дорогой, — приказала она. Феникс фыркнул, но взял ее руку. Через секунду они действительно были в Египте, посреди пустыни. — Определенно лучше, мой дорогой, — решила самка василиска. — А теперь, мое яйцо, давай вернемся к тебе... Следующие двести с

чем-то лет Сал провел в компании феникса и василиска. Пока он жил с ними, собственное дитя Медраудов, которое он оставил со своей матерью Морганой, выросло, женилось, у него родились дети, и они снова поженились. Сотни лет спустя имя ЛеФей было утеряно, но род продолжался, пока у одного из потомков не родилась девочка. Девочку назвали Лили, Лили Эванс. Тем временем, за тысячу лет до рождения Лили, Сал учился быть ребенком василиска и феникса. Они меняли место жительства каждую неделю, потому что на этом настаивала самка василиска. Так Сал увидел много мест, о которых и не мечтал, и все они находились в теплых краях. Сал также начал снова расти, но ему потребовалось почти все двести лет, чтобы снова достичь своего обычного пятнадцатилетнего возраста. Когда он спросил об этом свою бабушку, она только пожала плечами. — Не волнуйся, — сказала она. — Просто это занимает так много времени, потому что не ты сам уменьшил свое тело, а я. Но это не имеет значения, — тебе ведь все равно пятнадцать, мое яйцо. После этого объяснения Сэл только вздохнул и решил больше не спрашивать. Он знал только то, что уже более двухсот лет не мог контролировать, на сколько лет он выглядит. Когда он, наконец, снова это сделал, его бабушка только вздохнула. — Значит, ты действительно снова стал взрослым, птенец, — сказала она со вздохом. — Что ж, — я не смогу держать тебя вечно. Просто помни: я буду рядом с тобой, пока смогу. Мы с дедушкой придем тебе на помощь. Тебе нужно только позвать нас. И с этими словами она снова отпустила его. И Сэл ушел. Сначала ему было тяжело снова остаться одному, но он должен был уйти. Он не мог до конца жизни следовать за своими бабушкой и дедушкой! Поэтому он ушел и вернулся в Британию, в деревню гоблинов, которую покинул все эти годы назад. Грингуд был еще жив, но очень стар. Сын Вейланда, теперь вождь гоблинов, встретил Сала у ворот их селения. Лица гоблинов, искаженные годами, просияли узнаванием. — Так ты вернулся, Морганаадт, — приветствовал Вейланд, протягивая руку к Салу. — Да, — коротко ответил Сал, чувствуя, как на него падает взгляд множества глаз. Вейланд взмахнул рукой, и в его ладони материализовался меч Сала, сияющий в сумраке гоблинской деревни. — Возьми его, — сказал Вейланд, голос его звучал властно. — Ты — глава клана, ты должен носить свой меч. Сал колебался, рука его невольно потянулась к рукояти, но остановилась. — Я оставлю его на твоём попечении, пока снова не уйду, — произнес он, глядя в глаза Вейланда. — Когда дети Медрауда попросят его, ты отдашь его им. Я не возьму его с собой в странствия. — Отдам, — кивнул Вейланд, — но только если ты одолжишь им его, не отдашь. Гоблин может отдать свой меч, но он не подарит его, когда меч был создан для него. Сал улыбнулся, его глаза блеснули теплым светом. — Я никогда не отдал бы полученный подарок, — искренне сказал он. — Просто он мне не нужен в странствиях, и я не хочу, чтобы он лежал без дела, пока снова не понадобится. — Это я могу понять, — согласился Вейланд, и поприветствовал Сала дома. Так Сал остался в гоблинской деревне, вдали от шумного мира, на долгие шестьдесят лет. Пока, наконец, не почувствовал, что пришло время снова пуститься в путь.

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3082600>